A 227/695

II 227
695

Русскіе студенты

въ

ГЕРМАНІИ.

Studiosus'a.

Типографія Гольденберга, въ Елисаветградѣ.
1894.

РУССКІЕ СТУДЕНТЫ

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

Типографія Гольденберга въ Елисаветградѣ.
1894.

Дозволено цензурою. Одесса 9 Марта 1894 г.

2007041584

ОЧЕРКИ
жизни русскихъ студентовъ въ Германіи.

I.

—Прошу васъ, Густа, сдѣлайте мнѣ платье какъ можно лучше, говорила, улыбаясь, молодая невѣста, стоя передъ зеркаломъ и шелестя своимъ роскошнымъ шелковымъ платьемъ.

—Ужъ будьте покойны, Fräulein Надежда! Я приложу всѣ свои усилія, чтобы ваше вѣнчальное платье вышло какъ можно изящнѣе. Скажите, пожалуйста, сдѣлать ли талію немного тѣснѣе, или же оставить такъ, какъ она теперь?

—Нѣтъ, нѣтъ! Оставьте такъ! Ахъ, какъ хорошо спадаетъ шлейфъ! продолжала она, все еще оглядывая свою прелестную фигуру въ зеркалѣ. Но тутъ же она увидѣла стоявшую передъ ней на колѣняхъ маленькую, бѣдную модистку, поправлявшую ей платье. Какая громадная разница между ними! Съ одной стороны – богатство, роскошь, довольство, съ другой – нищета, вѣчная забота о насущномъ кускѣ хлѣба.

Надежда обладала очень добрымъ сердцемъ. Она взяла маленькую ручку модистки въ свои руки и съ участіемъ спросила ее:

—Неужели вы никогда не были такъ счастливы, какъ я теперь? Неужели вы никогда не переживали такихъ пріятныхъ минутъ, какія я теперь переживаю?.

Вопросъ этотъ, видимо, смутилъ дѣвушку и она нагнулась, чтобы скрыть свое смущеніе. Когда она снова подняла голову, щеки и глаза ея горѣли и дрожащимъ отъ волненія голосомъ она проговорила:

—Да! Но это было уже такъ давно! Тогда я чувствовала и переживала то, что вы теперь. Но, знаете, мнѣ такъ больно вспомнить объ этомъ!..

—Что же случилось, добрая Густа? съ участіемъ въ голосѣ спросила Надежда.

Маленькая модистка тяжело вздохнула.

—Онъ, казалось, былъ очень славный молодой человѣкъ и я страстно его любила. Но впослѣдствіи я убѣдилась, что онъ только игралъ мною. Я была глупая и наивная дѣвушка и замѣтила это тогда, когда уже было поздно. Я была на должности въ одномъ магазинѣ. Онъ былъ изъ Россіи, также какъ и вы, и учился въ университетѣ въ Лейпцигѣ. Однажды онъ пришелъ въ магазинъ съ своею матерью. Долго, долго онъ смотрѣлъ на меня. Потомъ, каждый вечеръ являлся къ дверямъ магазина и провожалъ меня домой. Въ то время я была круглой сиротой, а онъ былъ такъ добръ... я повѣрила и полюбила, сильно полюбила его...

—Густа, но вѣдь вы же знали, что онъ не женится на васъ?

По лбу Густы пробѣжало темное облако.

—Нѣтъ, нѣтъ, продолжала она. Еслибъ я это знала, то прервала бы наше знакомство въ самомъ началѣ!

Щеки ея горѣли. Губы судорожно сжимались.

—Онъ бросилъ меня, какъ обыкновенно дѣлаютъ эти

„славные молодые люди“ съ подобными мнѣ бѣдными дѣвушками.

—Ахъ, Густа! Это ужасно! Какъ люди могутъ такъ низко поступать?!

—Развѣ можно ожидать отъ этихъ господъ чего нибудь другаго? Онъ былъ наслѣдникомъ очень богатаго родственника. Ему неприлично было имѣть сношенія съ какой нибудь модисткой... и онъ бросилъ меня. Первое время я была словно сумашедшая. Много, много разъ я готова была покончить съ собою. Но разсудокъ все таки взялъ верхъ и не допустилъ меня до самоубійства ради такого низкаго человѣка. Въ Лейпцигѣ я уже не могла и не хотѣла оставаться. Я уѣхала въ Берлинъ. Съ тѣхъ поръ прошло три года.

—Бѣдная, бѣдная Густа! Но вѣдь вы еще молоды. Вы еще можете быть счастливы!

—Нѣтъ! съ горечью проговорила модистка. Я дала клятву не вѣрить болѣе никому. Всѣ мущины обманываютъ.

Надежда положила свои красивыя, бѣлыя руки на голову модистки и сказала:

—Все таки не всѣ. Вотъ хоть бы мой женихъ! Онъ меня, навѣрное, не обманываетъ, онъ такой славный! Вы видѣли его портретъ?

— Нѣтъ!

Надежда мигомъ бросилась въ сосѣднюю комнату и съ радостнымъ выраженіемъ на лицѣ принесла портретъ своего жениха.

—Ну, скажите, развѣ можетъ человѣкъ съ такими чудными глазами обманывать?

Это былъ, дѣйствительно, въ высшей степени, красивый молодой человѣкъ съ выразительнымъ лицомъ и умными глазами.

Густа, взглянувъ на портретъ, поблѣднѣла, задрожала всѣмъ тѣломъ и портретъ выпалъ у нея изъ рукъ.

—Вамъ дурно, Густа! вскричала Надежда. Я сію минуту принесу стаканъ воды.

—Нѣтъ, не надо! Благодарю васъ. Мнѣ легче... Потомъ, задыхаясь отъ волненія, она сказала:

—Такъ это вашъ...

—Да, да, это мой женихъ, Николай Новиковъ. Ну, скажите, онъ вамъ нравится? Неправда-ли, онъ красавецъ?

Густа опустила глаза на полъ и устремила взоры на лежавшій тамъ портретъ. Надежда подняла его и отнесла въ свою комнату.

Маленькая модистка все больше и больше мѣнялась въ лицѣ.

—Нѣтъ, этотъ не обманываетъ, проговорила она и слезы ручьемъ потекли изъ ея глазъ.

Невѣста больше не показывалась. Густа слышала, какъ въ сосѣдней комнатѣ она смѣялась вмѣстѣ съ пришедшей къ ней подругой. Скоро наступила тишина. Обѣ подруги, вѣроятно, ушли.

Густа все еще всхлипывала. Одна слеза скатилась на платье, которое она шила.

—Ахъ, какъ не хорошо! Слеза на вѣнчальномъ платьи! подумала она.

Она вытерла глаза и перестала плакать.

—Теперь я могла бы разрушить его счастье, какъ онъ нѣкогда разрушилъ мое... Я могла бы отомстить ему...

Изъ ея груди вырвался глубокій вздохъ. Она выглянула въ окно. Погода стояла пасмурная. Пасмурно было и на душѣ маленькой модистки.

* *
*

Черезъ двѣ недѣли состоялась свадьба.

На скамьѣ, въ самомъ темномъ уголкѣ церкви сидѣла дѣвушка маленькаго роста и слабаго тѣлосложенія. Своими блестящими, какъ сталь, глазами, она, какъ-бы, пожирала новобрачныхъ. Новобрачные помѣнялись кольцами. Счастливо и нѣжно смотрѣли они другъ на друга и съ умиленьемъ выслушивали добрыя пожеланія знакомыхъ, заглушавшихъ своими голосами тихія рыданія бѣдной дѣвушки. Только вблизи стоявшіе слышали этотъ плачъ и сердито глядѣли на бѣдную модистку, которая въ глубинѣ своего горя не замѣчала ничего. Черезъ минуту она вышла изъ церкви. На улицѣ она вытерла глаза, никому не желая показать, что она плакала. Впрочемъ, какое кому было дѣло до этой несчастной, бѣдной модистки!

II.

Ш. былъ однимъ изъ самыхъ прилежныхъ и трудолюбивыхъ студентовъ, изучавшій свою спеціальность съ любовью и усердіемъ. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ кончалъ свою работу въ лабораторіи по неорганической химіи. Этотъ человѣкъ, казалось, былъ полонъ энергіи и прилежанія. Ему едва-ли было двадцать два года. Познакомился я съ нимъ въ Дрезденѣ. Съ перваго же момента нашего знакомства, я почувствовалъ къ нему сильную симпатію и между нами завязались дружескія отношенія. Я жилъ тогда въ одномъ англійскомъ пансіонѣ и такъ какъ мы очень скоро сошлись другъ съ другомъ, то я предложилъ ему обѣдать въ томъ же пансіонѣ. Ш. съ удовольствіемъ согласился на это, тѣмъ болѣе, что въ средствахъ онъ не нуждался и ему самому было пріятнѣе обѣдать въ англійскомъ обществѣ, чѣмъ въ нѣмецкомъ ресторанѣ.

Въ нашемъ пансіонѣ жила одна молодая англичанка съ матерью. Отца у нея не было. Онѣ были когда-то очень богаты, но отецъ промоталъ все свое состояніе и кончилъ тѣмъ, что пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Маленькое наслѣдство все таки осталось и доходы съ него мать съ дочерью проживали въ Дрезденѣ, гдѣ жизнь, во всякомъ случаѣ, дешевле обходится, чѣмъ въ Лондонѣ. Дѣвушка эта, Мери, была въ высшей степени симпатичное существо. Ей было лѣтъ двадцать. Она была высокаго

роста, блондинка, съ голубыми глазами. Я къ ней очень привязался. Не скажу, чтобы я питалъ къ ней особенное чувство. Нѣтъ, я не любилъ ее, но она привлекала меня, какъ привлекаетъ всякое красивое, художественное произведеніе. Одно время я ходилъ ежедневно въ галлерею и любовался головкой гетевской Миньоны, работы дрезденскаго художника Киселинга. Это такъ вошло у меня въ привычку, что если я, по какой либо причинѣ не бывалъ въ галлереѣ, то весь день у меня былъ отравленъ. Такого же рода чувство возбуждала во мнѣ англичанка.

Желая хоть сколько нибудь помочь этой дѣвушкѣ, такъ какъ доходы ея были не очень-то велики, я предложилъ ей давать мнѣ уроки англійскаго языка; быть можетъ къ этому присоединилось желаніе видѣть ее почаще.

Когда Ш. пришелъ первый разъ въ пансіонъ, его помѣстили vis-à-vis моей хорошенькой учительницы. Я замѣтилъ, что она произвела на него какое то удручающее впечатлѣніе. Онъ все время былъ разсѣянъ, молчалъ и еле дотрагивался до кушанья. Такимъ я его еще никогда не видалъ.

Послѣ обѣда я пошелъ въ лабораторію и, къ крайнему удивленію, не засталъ тамъ Ш. Профессоръ, который былъ убѣжденъ, что никакая земная сила не въ состояніи удержать Ш. отъ посѣщенія лабораторіи, выразилъ мнѣ свое недоумѣніе по этому поводу.

По окончаніи работы, я пошелъ къ Ш. Онъ лежалъ на кровати. Я пробовалъ было говорить съ нимъ, но онъ отвѣчалъ какъ-то нехотя, и, по всему видно было, что

мое присутствіе его тяготитъ. Вернувшись поздно вечеромъ домой, я долго лежалъ въ постели, размышляя объ этомъ странномъ явленіи, пока не заснулъ. Скоро разбудилъ меня стукъ въ окно. Я всталъ съ кровати, поднялъ стору и увидѣлъ Ш., стоявшаго на улицѣ.

—Пойдемъ со мной въ Большой Садъ. Я долженъ тебѣ кое-что разсказать.

По лицу Ш. и по дрожащему голосу, которымъ онъ мнѣ это сказалъ, я замѣтилъ, что онъ очень взволнованъ. Черезъ нѣсколько минутъ я вышелъ. Мы направились по Bürgerwiese въ Большой Садъ. Таинственный волшебный свѣтъ луны освѣщалъ роскошный дрезденскій садъ. Мы усѣлись недалеко отъ бывшаго лѣтняго театра и Ш. началъ:

—Я до сихъ поръ не разсказывалъ тебѣ, что передъ тѣмъ, какъ пріѣхалъ сюда, я провелъ одинъ семестеръ въ Гейдельбергѣ. Не говорилъ я этого потому, что это время связано для меня съ самыми тяжелыми, мрачными воспоминаніями. По окончаніи гимназіи въ моемъ родномъ городѣ, я отправился въ Гейдельбергъ и поступилъ на философскій факультетъ тамошняго университета. Жилъ я тогда въ англійскомъ пансіонѣ. Первый мѣсяцъ моего пребыванія въ Германіи прошелъ очень спокойно: все время почти было поглощено занятіями, а въ свободные отъ работы часы я изучалъ нѣмецкую литературу, сильно интересовавшую меня тогда. Однажды, за обѣдомъ, хозяйка объявила намъ, что съ завтрашняго дня съ нами будутъ обѣдать двѣ вновь пріѣзжія англичанки.

Дѣйствительно, когда я на слѣдующій день пришелъ къ обѣду—за столомъ сидѣли двѣ незнакомыя мнѣ дамы.

Это были—твоя учительница и ея мать. Признаться, на меня, двадцатилѣтняго юношу, Мери, своей миленькой головкой, роскошно развитой фигурой, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Никогда еще не видалъ я такой красоты. Я не буду тебѣ долго разсказывать исторію развитія моей любви къ ней. Скажу коротко: я полюбилъ ее всей своей юношеской страстью, на которую способенъ только двадцатилѣтній юноша.

Ревность—родная сестра любви. Въ томъ же пансіонѣ обѣдалъ одинъ нѣмецкій студентъ. Навела ли меня ревность на ту мысль, или же я что нибудь замѣтилъ,—мнѣ казалось, что Мери неравнодушна къ нему. Мери, во всякомъ случаѣ, относилась къ нему не такъ холодно, какъ ко мнѣ. Онъ былъ корпорантомъ и между нами ненависть разгоралась все больше и больше. За обѣдомъ я то и дѣлалъ, что нападалъ на него и говорилъ ему колкости. Нѣмецъ не умѣлъ отражать мои колкости, но думалъ, что удары саблей онъ съумѣетъ лучше отражать. Въ концѣ-концовъ онъ не вытерпѣлъ и послалъ мнѣ секунданта. Но такъ какъ я не умѣлъ драться на саблях, а корпорантъ не желалъ драться на пистолетах, то дѣло дошло до студенческаго суда чести. Мнѣ дали два мѣсяца сроку, чтобы я могъ научиться фехтовать. Съ этого момента я отложилъ всѣ свои занятія въ сторону и принялся за фехтованіе. Мускулы у меня были желѣзные, я фехтовалъ съ какимъ то остервенѣніемъ и въ короткое время сдѣлалъ блестящіе успѣхи. Нѣмецъ, послѣ сдѣланнаго мнѣ вызова, пересталъ обѣдать въ пансіонѣ. Мои страданія нѣсколько уменьшились. Въ его отсутствіи, Мери, казалось забыла объ

его существованіи. Я старался сблизиться съ ней, но это мнѣ не удавалось: она была ко мнѣ также равнодушна, какъ и раньше. Это равнодушіе терзало меня еще болѣе, чѣмъ ревность.

Однажды,—это было послѣ Рождества,—по предложенію хозяйки, всѣ, живущіе въ пансіонѣ, рѣшили устроить костюмированный вечеръ. Такъ какъ въ пансіонѣ я былъ единственнымъ кавалеромъ, то меня просили пригласить еще нѣсколько русскихъ студентовъ. Я возлагалъ на этотъ вечеръ большія надежды и рѣшилъ воспользоваться имъ, чтобы сдѣлать признаніе Мери. За цѣлую недѣлю до вечера мы стали готовиться, шить костюмы и т. п. Я отыскалъ нѣсколько русскихъ студентовъ, которымъ пріятно было имѣть случай потанцовать. Никто изъ насъ не говорилъ, въ какомъ костюмѣ онъ явится, желая, такимъ образомъ, сдѣлать другъ другу сюрпризъ. Наконецъ, насталъ давно желанный вечеръ и въ восемь часовъ мы были уже всѣ въ пансіонѣ. Костюмы были, въ самомъ дѣлѣ, роскошные и со вкусомъ подобраны. Изъ приглашенныхъ мною русскихъ - одинъ былъ въ бедуинскомъ костюмѣ, другой въ національномъ греческомъ, третій въ испанскомъ, четвертый въ англійскомъ. На мнѣ былъ костюмъ Ромео и, по какой то странной случайности, Мери была одѣта Джульеттой. Это обстоятельство придало мнѣ очень много храбрости. Вечеръ начался весело и я почти все время танцовалъ съ Мери. Она тогда относилась ко мнѣ лучше, чѣмъ когда либо. Послѣ одного вальса я, въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ, признался Мери въ любви. Она отвѣчала мнѣ съ участіемъ, что очень жалѣетъ, что ей горько до-

ставить мнѣ непріятность, но такъ любить меня, какъ желала бы любить своего мужа, она не можетъ. Я не принялъ ея отказа, умолялъ ее обдумать все хорошо и потомъ только дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Тутъ же я разсказалъ ей о предстоящей дуэли, о настоящей причинѣ ея, и о моемъ теперешнемъ печальномъ образѣ жизни.

До конца вечера мы были очень грустны, молчаливы и больше не танцовали. Съ разбитымъ сердцемъ распрощался я съ ней. Я предчувствовалъ, что и послѣ получу такой же рѣшительный отказъ. Вся моя жизнь была отравлена: я пересталъ ходить къ общему столу, потому что одинъ видъ Мери причинялъ мнѣ страданія. Недѣли двѣ послѣ этого вечера, я получилъ записку отъ Мери, въ которой она проситъ меня – взять на себя инициативу устройства загородной прогулки. Погода въ этотъ день была роскошная; несмотря на позднюю зиму, было тепло. Все наше общество съ радостью согласилось принять участіе въ прогулкѣ.

Все время шелъ я рядомъ съ Мери, разсказывалъ о предстоящей дуэли, объ успѣхахъ, которые я дѣлалъ въ фехтованіи и какъ-то, невольно, старался отдалять разговоръ о томъ, что меня такъ живо интересовало. Вообще, разговоръ не клеился: Мери была очень разсѣянна. Мы ушли довольно далеко впередъ отъ всей компаніи. Серьезнымъ тономъ, она, вдругъ, заявила мнѣ, что все время обдумывала мое предложеніе, искала въ своемъ сердцѣ хоть малѣйшее чувство любви ко мнѣ, но должна сознаться, что не нашла его. Она уважаетъ меня, но такъ любить, какъ она понимаетъ это слово, не можетъ. Съ искреннимъ участіемъ она совѣтовала позабыть ее; говорила, что сама будетъ способствовать это-

му и что она рѣшила поэтому уѣхать изъ Гейдельберга. Я былъ подготовленъ къ отказу, но, тѣмъ не менѣе, онъ подѣйствовалъ на меня подавляющимъ образомъ. Я слегъ въ постель и заболѣлъ. Когда я выздоровѣлъ, Мери уже не было въ Гейдельбергѣ.

Дуэль между мною и нѣмецкимъ студентомъ не состоялась. Я былъ слишкомъ слабъ послѣ болѣзни, къ тому же, и нѣмецъ не имѣлъ особенной охоты драться, тѣмъ болѣе, когда узналъ о моихъ успѣхахъ въ фехтованіи. Въ Гейдельбергѣ меня уже ничто не удерживало. Напротивъ, все напоминало мнѣ о моемъ несчастьи. Я уѣхалъ въ Дрезденъ. Теперь ты поймешь состояніе моего духа, когда послѣ двухлѣтней разлуки, я увидѣлъ ту, которую такъ сильно любилъ и теперь еще люблю. Когда ты меня знакомилъ съ ней, ты и не подозрѣвалъ, что между нами произошло что либо подобное. Она меня забыла, или лучше сказать, сдѣлала видъ, что забыла. Больше мнѣ ничего не нужно. Если я останусь въ Дрезденѣ, жизнь для меня будетъ мученіемъ. Теперь я постараюсь, дѣйствительно, забыть ее и вырву у себя всякое воспоминаніе о ней. Завтра же утромъ я уѣзжаю отсюда.

III. былъ страшно взволнованъ. Очевидно, ему не легко было рѣшиться на отъѣздъ. Я пробовалъ его уговорить остаться въ Дрезденѣ, не прерывать своихъ занятій, но онъ былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи. Утромъ на слѣдующій день я провожалъ его на Богемскомъ вокзалѣ. Онъ уѣхалъ въ Прагу. Писалъ я ему туда раза три, но никакого отвѣта не получалъ.

* * *

Прошло болѣе года. Я возвращался изъ Россіи въ Дрезденъ. Съ сильнымъ, вполнѣ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я той минуты, когда пріѣду въ Прагу: мнѣ такъ сильно хотѣлось видѣть Ш. Первымъ дѣломъ, по пріѣздѣ въ Прагу, было отправиться въ политехникумъ, взять тамъ адресъ Ш. и пойти къ нему. Я нашелъ его очень больнымъ. Лицо его казалось измученнымъ, глаза его глубоко впали и блестѣли какимъ то неестественнымъ огонькомъ. Онъ былъ блѣденъ и страшно исхудалъ. Я не узналъ его сразу.

—Такъ намъ, все таки, пришлось еще разъ свидѣться! Спасибо, товарищъ!

Въ Прагѣ было у меня нѣсколько знакомыхъ студентовъ, отъ которыхъ я узналъ, что Ш. велъ безпорядочный и какой то нечистовый образъ жизни и сильно пьянствовалъ. Теперь у него была чахотка въ послѣдней степени развитія. Я уговорилъ его написать роднымъ, чтобы кто нибудь пріѣхалъ, самъ же я остался у него.

Черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ отецъ и врачи отправили Ш. въ Санъ-Ремо. Я провожалъ его на вокзалѣ и въ тотъ же день уѣхалъ въ Дрезденъ.

* * *

Когда я пріѣхалъ, Мери съ матерью уже тамъ не было. Хозяйка пансіона разсказывала мнѣ, что она сдѣлалась невѣстой какого то англійскаго морскаго офицера и всѣ втроемъ уѣхали во Флоренцію.

* * *

Мѣсяца черезъ два я получилъ письмо изъ Санъ-Ремо, въ которомъ отецъ Ш. извѣстилъ меня о смерти своего сына.

III.

Типъ русскаго кружка.

Ѣздилъ я въ первый разъ заграницу съ предубѣжденіемъ противъ русскихъ студентовъ. Мнѣ, почему то, казалось, что всѣ учащіеся тамъ молодые люди, непремѣнно, красные. По крайней мѣрѣ, такое мнѣніе господствуетъ въ Россіи. По пріѣздѣ въ Дрезденъ, я принялъ всѣ необходимыя предосторожности, чтобъ не попасться въ сѣти красныхъ. Я рѣшилъ не вступать ни въ какіе кружки, общества и т. п. русскихъ студентовъ и, если возможно будетъ, совсѣмъ изолировать себя отъ нихъ.

Но злой рокъ привелъ меня еще въ первый день моего пріѣзда къ русскому студенту и къ тому же — одному изъ главныхъ дѣятелей русскаго кружка.

Не владѣя нѣмецкимъ языкомъ, я принужденъ былъ обратиться за помощью къ русскому студенту и, такимъ образомъ, попалъ къ нѣкоему Фрессену—секретарю русскаго кружка.

—Вы уже, конечно, были въ нашемъ кружкѣ?—былъ первый его вопросъ.

—Нѣтъ! Я только сегодня пріѣхалъ и, признаться, не имѣю особеннаго желанія туда пойти.

—Почему же?

—Мнѣ кажется, что здѣшніе русскіе кружки преслѣдуютъ извѣстную идею, извѣстную цѣль. Мнѣ пріятно было бы имѣть дѣло съ людьми одинаковаго со мною

мнѣнія; а люди, проповѣдующіе идеи, совершенно противоположные моимъ воззрѣніямъ, не могутъ меня интересовать.

—Странно. Какъ русскій, вы должны интересоваться всѣмъ русскимъ—здѣсь, внѣ Россіи. Наконецъ, вы тамъ найдете русскіе журналы, газеты, книги. Увѣряю васъ, вы будете себя чувствовать какъ въ Россіи. Если желаете, пойдемте сейчасъ!

—Нѣтъ, благодарю! я слишкомъ утомленъ отъ дороги. Но завтра, можетъ быть, пойду.

Я думалъ, что до завтра Фрессенъ позабудетъ объ этомъ. Но не тутъ то было. На слѣдующій день, утромъ, когда я лежалъ еще въ постели, ко мнѣ постучался Фрессенъ и зашелъ въ комнату.

—Идемте!

Дѣлать было нечего. Я одѣлся и пошелъ. Квартира кружка была недалеко отъ моей и черезъ пять минутъ мы уже были тамъ. Я очутился въ комнатѣ мрачнаго вида. Меня поразило громадное чернильное пятно на картѣ Россіи, висѣвшей на стѣнѣ. Впослѣдствіи я узналъ исторію этого пятна. На какомъ то собраніи, предсѣдатель былъ выведенъ изъ терпѣнія шумѣвшими членами, желая пустить чернильницей кому то въ голову, промахнулся и попалъ въ карту Россіи. На другой стѣнѣ, между двумя шкафами, наполненными разорванными книгами, висѣлъ видъ Кремля. На остальныхъ стѣнахъ висѣли преміи Нивы. По срединѣ стоялъ круглый столъ, на которомъ лежало въ безпорядкѣ нѣсколько нумеровъ газетъ и за которымъ сидѣло двое читателей. Фрессенъ представилъ меня имъ. Одинъ былъ изъ Екатеринослава,

нѣкій Гранскій, другой—изъ Харькова—Самойловъ. Я подсѣлъ къ нимъ и началъ разсматривать газеты. Меня непріятно поразила пестрая смѣсь ихъ. На столѣ возлѣ „Vorwärts“ лежалъ „Гражданинъ“; тутъ же былъ и Волжскій Вѣстникъ, несмотря на то, что во всемъ Дрезденѣ не было ни одного русскаго студента изъ приволжскихъ губерній. Находился тутъ же и Елисаветградскій Вѣстникъ, канувшій теперь въ вѣчность. Представителемъ русскихъ журналовъ была „Нива“. Больше никакихъ журналовъ и газетъ. Я поинтересовался книгами и попросилъ дать мнѣ каталогъ. Не несмотря на то, что кружокъ уже существовалъ восемь лѣтъ, каталогъ еще не успѣли составить. Волей не волей пришлось обратиться къ шкафамъ, навѣвавшимъ на меня какое то уныніе. Мнѣ вспомнилось: „иное и не блеститъ, а все же золото“ и съ рѣшимостью открылъ шкафъ. Книгъ было мало, больше—разорванныхъ листовъ; но тѣ книги, которыя были, не могли, по моему мнѣнію, интересовать русскихъ студентовъ. Больше всего тутъ находилось книжекъ дешеваго изданія Реклама. Были книги и на французскомъ языкѣ; но русскихъ менѣе всего. Изъ нихъ мнѣ бросились въ глаза: дешевое изданіе Пушкина, два тома Писарева, одинъ томъ Бѣлинскаго и нѣсколько томовъ Тургенева. Я думалъ, что остальныя книги находятся на рукахъ, но оказалось, что это было все имущество кружка.

Посидѣвъ еще немного въ кружкѣ, я распрощался съ моими новыми знакомыми и ушелъ вмѣстѣ съ Фресеномъ.

—Я думалъ, что у васъ, дѣйствительно, можно чув-

ствовать себя, какъ въ Россіи, между тѣмъ я не нашелъ у васъ ни одной порядочной газеты и всего то одинъ только журналъ, такъ много иностранныхъ и такъ мало русскихъ книгъ.

—Это потому, что средства кружка теперь очень ограничены. Нѣмецкія же и французскія книги составляютъ подарокъ различныхъ лицъ здѣшней русской колоніи. Но несмотря на все это, будьте увѣрены, что вы будете чувствовать себя у насъ, какъ въ Россіи.

—Какимъ образомъ? Неужели потому только, что буду имѣть возможность ежедневно видѣть фотографическій снимокъ Кремля?

—Нѣтъ! Я говорю о нашихъ собраніяхъ. Мы часто сходимся, говоримъ о русскихъ интересахъ, литературѣ и искусствѣ. Неужели для васъ ничего не значитъ, здѣсь, на чужбинѣ, слышать русскую рѣчь?

—Да, это для меня много значитъ; но я думаю, что есть русскіе студенты, стоящіе внѣ вашего кружка и, тѣмъ не менѣе, говорящіе по русски. Наконецъ, здѣсь, какъ мнѣ извѣстно, живетъ много русскихъ семействъ, у которыхъ также можно имѣть случай поговорить по русски.

—Я вамъ, конечно, не стану навязывать свое мнѣніе, но не совѣтую вамъ даже знакомиться съ русскими, не состоящими членами нашего кружка. Это люди, которые ничѣмъ, кромѣ лабораторіи и чертежей, не интересуются, для которыхъ не дороги интересы Россіи, которые не читаютъ даже русскихъ газетъ. А о семействахъ о которыхъ вы говорите, я вамъ также совѣтую забыть. Мы въ ихъ дома не ходимъ.

—Сколько членовъ въ вашемъ кружкѣ?

—Сколько? Это все равно. Не въ числѣ дѣло!

—Но все таки...

—Трое...

—А всѣхъ русскихъ студентовъ въ Дрезденѣ?

—Человѣкъ тридцать будетъ, безъ русскихъ поляковъ.

Я былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ. Неужели изъ тридцати человѣкъ, только трое интересуются Россіей, только имъ дороги ея интересы, только они читаютъ русскія газеты? Для меня это было крайне удивительно. Но впослѣдствіи я узналъ почему Фрессенъ извратилъ фактъ. Узналъ я также и почему члены кружка не вхожи въ дома русскихъ семействъ, живущихъ въ Дрезденѣ...

Такимъ образомъ я познакомился со внѣшностью кружка. Меня заинтересовала его внутренняя жизнь и я принялся наблюдать. Отмѣчу только болѣе выдающіяся событія этой жизни.

Черезъ семестръ послѣ моего пріѣзда въ Дрезденъ изъ Берлина пріѣхало къ намъ десять русскихъ студентовъ, которыхъ за нѣкоторые подвиги исключили изъ тамошняго политехникума. Они всѣ поступили въ русскій кружокъ. Акціи кружка быстро поднялись въ цѣнѣ и члены начали ликовать. Но роковое число членовъ, тринадцать, вѣроятно, было причиной недолгаго ликованія.

При Фрейбергской горной академіи существуетъ славянскій кружокъ. Хотя тамъ большинство русскихъ, но такъ какъ въ числѣ членовъ находится нѣсколько болгаръ и сербовъ, то кружокъ называется славянскимъ. У одного члена дрезденскаго кружка зародилась геніальная мысль. Ему казалось, что если «преобразовать» русскій кружокъ

въ славянскій, то туда вступятъ всѣ сербскіе, болгарскіе и польскіе студенты. Назначено было собраніе. Подробностей этого собранія я не знаю, но знаю, что пренія были такія бурныя, что хозяинъ квартиры принужденъ былъ обратиться за помощью полиціи, чтобы унять расходившихся членовъ. Послѣ этого случая въ кружкѣ осталось менѣе половины членовъ.

Въ 1891 году Фрейбергская горная академія праздновала 125-ти лѣтнюю годовщину своего основанія. Славянскій кружокъ выхлопоталъ себѣ позволеніе пригласить на праздникъ русскій дрезденскій кружокъ. Этотъ послѣдній началъ выбирать представителя. Но не такъ легко было это сдѣлать. Всякому изъ членовъ хотѣлось быть представителемъ. Опять бурныя препія, опять драки, но толка никакого. Вмѣшался въ это дѣло славянскій кружокъ и онъ оказался на столько любезнымъ, что пригласилъ всѣхъ. Но горько потомъ славяне раскаявались въ своей любезности. Дрезденскіе студенты вели себя такъ безобразно, что сами пригласившіе ихъ принуждены были отправить обратно домой.

При каждомъ высше-учебномъ заведеніи въ Германіи есть, такъ называемый „Verband“, т. е. союзъ студентовъ, въ который входятъ всѣ студенческія корпораціи, кружки и ферейны. Этотъ Verband занимается обще-студенческими дѣлами. Русскій кружокъ раньше входилъ въ составъ Verband'a, но теперь онъ исключенъ изъ него и вотъ по какому случаю. Въ прошломъ году Verband выхлопоталъ удешевленныя мѣста для студентовъ въ оперѣ. Имъ отвели нѣсколько рядовъ креселъ. Разъ, среди этихъ мѣстъ оказалась какая то дама. На слѣдующій

же день были уничтожены студенческія мѣста. Verband взялся за изслѣдованіе этого дѣла и оказалось, что какой то членъ русскаго кружка взялъ себѣ удешевленный билетъ и отдалъ его своей знакомой дамѣ. Русскій кружокъ былъ исключенъ изъ Verband'а. Само собой разумѣется, что послѣ такого инцидента нѣмецкіе студенты не могутъ дружески относиться къ своимъ русскимъ коллегамъ.

Зашелъ я, какъ то случайно, прошлымъ лѣтомъ въ кружокъ. Къ этому времени кружокъ, въ которомъ было пять членовъ, принялъ исключительно соціалъ-демократическій оттѣнокъ. Но не слѣдуетъ думать, что члены въ дѣйствительности были соціалъ-демократическими дѣятелями. Нѣтъ! Они упражняли только свои языки. Ихъ дѣятельность заключалась въ томъ, что они говорили другъ съ другомъ о рабочемъ движеніи. Кружокъ носитъ поэтому, хотя и мнимый, но все же соціалъ-демократическій характеръ. Есть много русскихъ студентовъ, которые охотно вступили бы въ кружокъ, у которыхъ нашлись бы средства выписывать интересныя газеты и полезные журналы, но этотъ оттѣнокъ кружка мѣшаетъ имъ. Никто изъ нихъ не желаетъ быть принятымъ за соціалъ-демократа. Этимъ своимъ глупымъ поведеніемъ члены кружка приносятъ большой вредъ своимъ землякамъ. Во первыхъ они лишаютъ ихъ возможности создать уголокъ въ чужой сторонѣ, гдѣ они могли бы себя чувствовать, какъ у себя на родинѣ. Во вторыхъ, нѣмецкіе студенты относятся къ нимъ совершенно иначе. Нѣмецкій студентъ не различаетъ русскаго члена кружка отъ нечлена этого кружка. Своей по-

стоянной болтовней въ политехникумѣ о рабочемъ движеніи, члены русскаго кружка возбуждаютъ недовольство нѣмецкихъ студентовъ. Они, по своему, конечно, правы. Правительство тратится, даетъ возможность всѣмъ сдѣлать карьеру, а русскіе студенты, не смотря на то, что пользуются всѣмъ этимъ, составляютъ оппозицію. Недовольство студентовъ дошло, во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ, до того, что они подали петицію ректору, въ которой просили исключить всѣхъ русскихъ студентовъ. Петиція эта потерпѣла неудачу: но во Фрейбергѣ студенты оказались болѣе настойчивыми, пригрозили перестать посѣщать лекціи и ректоратъ принужденъ былъ исключить шесть русскихъ студентовъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ кружками въ другихъ германскихъ городахъ. Вездѣ повторяется одно и то же: за вину немногихъ приходится терпѣть всѣмъ.

IV.

Каменовъ былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ студентовъ во всемъ Лейпцигѣ. Проходили мѣсяцы и онъ занимался такъ усердно, что всѣ профессора удивлялись: онъ не пропускалъ ни одной лекціи, подавалъ работы во время; даже маленькія перемѣны, такъ называемыя, „akademiſches Viertel“, между двумя лекціями, онъ проводилъ въ университетской библіотекѣ и рылся въ научныхъ журналахъ. Изъ университета онъ отправлялся прямо домой, занимался тамъ все время и никуда не выходилъ. Часто можно было видѣть его работающимъ въ публичной библіотекѣ.

Но за то проходили и такіе мѣсяцы, что его не видно было ни въ университетѣ, ни въ библіотекѣ. Дома его также не было.

На вопросъ, обращенный къ хозяйкѣ,—гдѣ Каменовъ? она отвѣчала: — Я сама не знаю! Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ его нѣтъ; не знаю что дѣлать: отдать ли комнату другому, или же ожидать, пока онъ пріѣдетъ.

Хозяйка его комнаты никогда не отдавала; она очень хорошо знала, что когда Каменовъ пріѣдетъ, онъ заплатитъ ей за все время. Это уже не разъ случалось. Дѣйствительно, проходило нѣкоторое время, Каменовъ являлся, какъ снѣгъ на голову, никто не зналъ откуда, никто не зналъ когда. Онъ рѣдко отвѣчалъ на вопросы, да и рѣдко кто его спрашивалъ.

—Какъ и гдѣ Каменовъ проводилъ это время?

На этотъ вопросъ могъ отвѣтить развѣ одинъ только Черновъ, его родственникъ, жившій уже давно въ Лейпцигѣ. Они были между собой въ хорошихъ отношеніяхъ и во время отлучекъ Каменова изъ Лейпцига — Черновъ получалъ иногда отъ него письма.

Были у Каменова двѣ страсти, не допускавшія его долго оставаться на одномъ мѣстѣ. Это были — путешествія и карты.

Когда его карманъ былъ полонъ, онъ способенъ былъ, посреди лекціи, выйти изъ аудиторіи, первымъ поѣздомъ уѣхать куда нибудь, найти картежный притонъ и спустить въ немъ всѣ свои деньги.

Карты не разъ вредили ему. Онѣ даже послужили причиной тому, что онъ учился въ Лейпцигскомъ университетѣ. Раньше онъ былъ студентомъ Мюнхенскаго политехникума. Тамъ съ нимъ случилась „исторія“. Онъ игралъ съ нѣсколькими студентами въ карты. Игралъ-ли онъ правильно или нѣтъ — неизвѣстно. Студенты эти распустили потомъ слухъ, что Каменовъ—шулеръ. Не желая дать распространиться этому слуху, Каменовъ обратился къ ректору. Доказано было, что Каменовъ игралъ честно, но все таки ему посовѣтовали оставить Мюнхенскій политехникумъ.

Противъ этихъ двухъ страстей Каменовъ не въ состояніи былъ устоять. Онъ сознавалъ весь вредъ, который онѣ ему приносили, но не въ силахъ былъ противиться имъ. Вообще же у него былъ характеръ добрый, отзывчивый на всякое благотворительное дѣло. Носился даже слухъ, что одинъ студентъ въ Берлинѣ учится на его средства. Даже во время своихъ перекочевываній,

въ Мантонѣ, похоронилъ своего брата и вмѣсто того, чтобы уѣхать въ Лейпцигъ, поѣхалъ въ Монако. У него была довольно крупная сумма денегъ и онъ ее всю проигралъ. Черновъ, вслѣдствіе этого, получилъ опять письмо съ просьбой выслать денегъ на дорогу. Каменовъ опять пріѣхалъ въ Лейпцигъ и опять взялся за работу. Черезъ полъ года онъ сдалъ свой послѣдній экзаменъ.

На другой день послѣ экзамена, Каменовъ уѣхалъ изъ Лейпцига.

Куда онъ уѣхалъ? Что съ нимъ сталося? Никто въ Лейпцигѣ не могъ дать на это положительнаго отвѣта.

V.

(Посвящается Гр. Гольденбергу).

Окрестности Дрездена полны художественныхъ красотъ, но самая красивая мѣстность, безъ сомнѣнія, курортъ Weißer Hirſch (Бѣлый олень). Онъ находится на вершинѣ горы, составляющей послѣдній отрогъ Саксонскихъ горъ. Отсюда открывается прелестный видъ на лежащую внизу долину, манящую васъ особенно лѣтомъ, когда солнце цѣлыми потоками льетъ на нее свои лучи. На лѣвомъ концѣ ея вы видите маленькій, но красиво расположенный городокъ, Пирна, съ его угрюмой, высокой, въ готическомъ стилѣ построенной, колокольней. Вправо отъ городка тянутся маленькія деревеньки и, кое гдѣ, словно иглы, подымаются изъ-подъ земли готическія часовенки. Вплоть до Дрездена тянутся эти деревеньки, соединенныя между собой шоссе, по обѣимъ сторонамъ которыхъ растутъ плодовыя деревья.

Самый городъ расположился до подошвы западныхъ отроговъ Рудныхъ горъ. При взглядѣ на Дрезденъ, въ глаза бросаются куполы Frauenkirche, Kreuzkirche, стеклянный куполъ академіи художествъ и два шпица протестантской церкви, издали кажущіеся какъ бы ажурными. По сѣверной окраинѣ этой долины протекаетъ Эльба. Много прелести придаютъ этой картинѣ, видѣющіяся на заднемъ планѣ, въ туманѣ, горы Богемскаго лѣса съ возвышающейся надъ ними непривѣтливой вершиной Schreckenſtein'a, гдѣ когда то помѣщалась богемская темница.

Въ это время лодка причалила къ берегу и мы сѣли въ вагонъ конки. К. жилъ недалеко отъ меня. На прощаньи онъ попросилъ позволенія посѣщать меня. Я съ удовольствіемъ согласился и, въ свою очередь, обѣщалъ ему заходить къ нему.

По приходѣ домой я сталъ размышлять о моемъ новомъ знакомомъ. Его любезность, откровенность удивили меня. Мнѣ казалось, что этотъ человѣкъ много страдалъ и, если онъ проводитъ время такъ безразсудно, то виною этому не испорченность его характера, а какая то болѣе глубокая причина. Я задался цѣлью разгадать этого человѣка и, насколько будетъ зависѣть отъ меня, заставить его перемѣнить образъ жизни.

* * *

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я зашелъ къ К. думая, что онъ уже возвратился съ Бѣлаго оленя. Его дома небыло. Случайно, я нашелъ его въ одномъ ресторанѣ. Онъ былъ страшно пьянъ и еле держался на скамьѣ. Я подошелъ къ нему. Онъ сразу даже не узналъ меня, но узнавши, смутился и не могъ смотрѣть мнѣ въ глаза.

—Ради Бога, уведите меня отсюда, проговорилъ онъ.

Я расплатился съ кельнеромъ, усадилъ К. въ фіакръ и повезъ его домой.

На слѣдующее утро я опять зашелъ къ нему. Онъ былъ уже вполнѣ здоровъ и я могъ говорить съ нимъ какъ слѣдуетъ.

—Скажите, умоляю васъ, что заставляетъ васъ вести такую ненормальную жизнь? Можетъ быть я съумѣю

чѣмъ нибудь помочь вамъ. Добрый совѣтъ никогда не повредитъ. Откройтесь и довѣрьтесь мнѣ. Даю вамъ слово, что вы ничѣмъ не рискуете.

—Я вамъ, конечно, разсказалъ бы все, такъ какъ вижу какое участіе вы принимаете во мнѣ; но, повѣрьте, это ни къ чему не поведетъ. Своими разсказами я только разстрою васъ; вы увидите какая слабая у меня воля и какъ я не въ состояніи избѣгнуть вліянія одной личности, благодаря которой я веду такую печальную жизнь.

— Именно, объ этомъ то, я и желаю узнать подробнѣе. Можетъ быть мнѣ удастся поставить васъ внѣ вліянія этого человѣка.

— Это вамъ никогда не удастся,—не только вамъ, но никому другому. Я знаю самаго себя слишкомъ хорошо, чтобы надѣяться на это. Но тѣмъ не менѣе, я познакомлю васъ съ источникомъ моихъ несчастій. Такъ и быть. Завтра мы поѣдемъ на Бѣлый Олень и вы увидите въ чемъ дѣло.

Онъ сдержалъ свое слово и на слѣдующій день, дѣйствительно, пришелъ за мной. По всему замѣтно было, что онъ въ какомъ то безпокойствѣ. Лицо его, носившее слѣды многихъ пережитыхъ сильныхъ ощущеній и пресыщеній было блѣднѣе обыкновеннаго. Мнѣ стало жаль его, но я рѣшился узнать въ чемъ дѣло. Всю дорогу онъ молчалъ. Наконецъ, мы очутились на вершинѣ Бѣлаго Оленя и онъ ввелъ меня на третій этажъ одного очень стараго дома. Ему открылъ двери какой то мальчуганъ, лѣтъ четырехъ, грязный, въ одной рубашенкѣ. Онъ его кое о чемъ спросилъ. Тотъ утвердительно по-

качалъ головой. Мы вошли въ комнату. На софѣ лежала дѣвушка удивительной красоты.

—Позволь мнѣ, Элла, представить тебѣ моего лучшаго друга.

Она встала и, совсѣмъ не по нѣмецки, подала мнѣ руку. Это была брюнетка. Лицо ея имѣло матовый цвѣтъ. Сѣрые, быстрые и проницательные глаза были дивно хороши. Волосы у нея были подстрижены и зачесаны какъ у мужчины. Роскошная фигура ея способна была увлечь всякаго. Она пригласила меня сѣсть и мы начали разсказывать. Какъ всегда, при первомъ знакомствѣ, разговоръ не клеился и я сдѣлалъ предложеніе пойти погулять по лѣсу. Она съ удовольствіемъ согласилась. По выраженію глазъ К. я замѣтилъ, что это ему не особенно пріятно. Я хотѣлъ было поправить свою ошибку, но Элла уже одѣвалась и черезъ минуту была готова. Мы вышли изъ комнаты. К. предлагалъ пойти по уединеннымъ тропинкамъ. Элла настаивала, чтобы мы гуляли по самымъ многолюднымъ дорожкамъ. Я долженъ признаться, что не могъ устоять противъ ея желанія, не смотря на всѣ мои усилія. Вообще, въ этой дѣвушкѣ было нѣчто такое, что покоряло ей всякаго. Она была такъ мила, что мнѣ казалось преступленіемъ противиться ея желаніямъ. Дѣлать было нечего. Мы пошли въ самое шумное мѣсто, гдѣ гуляли всѣ гости курорта. Она была такъ красива, что всѣ обращали на нее вниманіе. Это видимо раздражало К. Она все подтрунивала надъ нимъ, называя его Отелло. Для меня стало яснымъ, что К. любилъ ея до безумія, но глупая, несправедливая ревность мучила его. Она также любила его,

но благодаря ея живому характеру, не скоро можно было это замѣтить. Благодаря той же живости, она относилась легко къ его страсти и это служило причиной его ревности.

Мы гуляли до поздняго вечера, проводили ее домой и сами тоже отправились домой. К. пригласилъ меня къ себѣ. Я согласился, тѣмъ болѣе, что надѣялся получить отъ него отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, оставшіеся для меня неразрѣшенными. К. прежде всего поинтересовался узнать, какое впечатлѣніе произвела на меня Элла. Я чистосердечно признался, что если бы способенъ былъ влюбляться, то влюбился бы только въ нее.

—Вамъ, какъ моему другу, я признаюсь, что люблю ее до безумія. Въ ней же не замѣчаю ничего подобнаго. Я скажу вамъ больше—она только играетъ мною. Я ревную, хотя она мнѣ еще не дала до сихъ поръ повода ревновать. Но я не могу себѣ объяснить этого; у меня какое то предчувствіе, что она обманываетъ меня, и вотъ это, именно, есть причина моихъ душевныхъ страданій, вліяющихъ на меня подавляющимъ образомъ. Когда на меня находятъ минуты ревности, я въ винѣ и пивѣ ищу забвенія, но это рѣдко, рѣдко удается мнѣ. Не думайте, что я всегда велъ подобный образъ жизни. Нѣтъ еще года, какъ я съ ней познакомился. До того, я никогда не пилъ. Что дѣлать? Я знаю - это не можетъ долго продолжаться. Я слишкомъ слабъ здоровьемъ. Но, что я могу сдѣлать? Бросить ее - я не въ состояніи. Я скорѣе самъ въ Эльбу брошусь. Я не знаю—знакомо ли вамъ чувство любви, усиленное въ тысячу разъ ревностью? Но если оно вамъ знакомо, то вы поймете, что

жизнь для меня потеряна. Бросить ее—не могу. Продолжать—это смерть; рано или поздно, но это убьетъ меня.

—Позвольте мнѣ, какъ постороннему, сказать, что дѣло совсѣмъ не такъ плохо обстоитъ, какъ вы говорите. Я сужу по первому впечатлѣнію, рѣдко обманывающему меня. Мнѣ кажется, что она васъ любитъ, не такъ страстно какъ вы ее, но все же любитъ. Относительно вашей ревности я ничего не могу сказать, но думаю, что она не справедлива. Если вы позволите, я постараюсь узнать кое что по этому поводу и надѣюсь успокоить васъ. Вы опять войдете въ свою коллею, возьметесь за занятія и будете любить свою Эллу.

—Прошу васъ, будьте такъ добры. Спасите меня. Дѣлайте все, что хотите. Я вполнѣ довѣряюсь вамъ.

Мы еще долго говорили о томъ же. Было уже далеко за полночь, когда я ушелъ домой.

* * *

Черезъ нѣсколько дней я, случайно, встрѣтился съ Эллой въ городѣ, куда она пріѣхала за покупками. Мы разговорились и я старался узнать у нея все. Она была откровенна со мною и я убѣдился, что она, дѣйствительно, вѣрна К. Тогда я разсказалъ ей о его страданіяхъ и причинѣ ихъ. Она отвѣтила, что знаетъ это, но ничего не можетъ сдѣлать. Я просилъ ее постараться быть съ нимъ нѣжнѣе и, при всякомъ удобномъ случаѣ, давать ему понять, что она его любитъ и вѣрна ему. Она обѣщала мнѣ. Я провожалъ ее до парохода и возвратился домой.

Дома я засталъ телеграмму отъ своего родственника, находившагося въ Карлсбадѣ и вызывавшаго меня туда. Въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ изъ Дрездена, не повидавшись даже съ К.

Пробылъ я въ Карлсбадѣ три недѣли и къ началу занятій возвратился въ Дрезденъ. Сейчасъ же я пошелъ къ К. и былъ пріятно пораженъ его видомъ. Онъ, казалось, поздоровѣлъ. Его глаза уже не блестѣли прежнимъ безпокойнымъ огонькомъ. Я началъ его разспрашивать объ Эллѣ. Онъ разсыпался предо мною въ благодарностяхъ, разсказывалъ, что теперь совершенно убѣжденъ въ ея любви къ нему и что этимъ онъ обязанъ благодарить только меня.

Я взялъ съ него слово — начать заниматься и не пить больше. Онъ обѣщалъ и, и дѣйствительно, сдержалъ свое слово. Я радовался, что мнѣ удалось спасти молодаго человѣка отъ безпутной жизни. Прошелъ мѣсяцъ. Элла переѣхала въ городъ.

На одномъ танцовальномъ вечерѣ она познакомилась съ какимъ то студентомъ-полякомъ. Элла была живая, впечатлительная натура. Полякъ былъ красивъ, ловокъ и настолько уменъ, чтобы увлечь Эллу. Отношенія между нею и К. стали измѣняться къ худшему. Неоднократно жаловался онъ мнѣ, но въ этихъ жалобахъ я не замѣтилъ того всеразъѣдающаго огня ревности, котораго замѣчалъ раньше. Я и этому радовался, думая, что, можетъ быть, онъ начинаетъ относиться къ Эллѣ холоднѣе и предоставитъ ее поляку. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось.

* * *

Я былъ заваленъ работой и почти не выходилъ изъ комнаты. Въ теченіи двухъ недѣль я не видалъ К. Однажды я сидѣлъ за работой, какъ вдругъ, раздался звонокъ и ко мнѣ вбѣжалъ знакомый студентъ. По его блѣдному лицу я предчувствовалъ какую то печальную новость.

—К. застрѣлился!—Больше онъ не могъ выговорить.

Я пошелъ на квартиру К. Онъ лежалъ въ постели. На груди видиѣлось темное пятно. Сбоку валялся револьверъ. Въ комнатѣ уже хозяйничала полиція.

Черезъ три дня его хоронили. Тяжело было присутствовать на этихъ похоронахъ. Юноша, полный свѣтлыхъ надеждъ, находившійся на пути къ тому, чтобы сдѣлаться честнымъ, порядочнымъ человѣкомъ, на чужбинѣ, вдали отъ лицъ, любившихъ его, умеръ, и умеръ такой насильственной смертью. Тяжело было видѣть, какъ совершенно чужіе ему люди, къ тому же, при жизни не любившіе его, опускали гробъ въ землю. Только ректоръ, успѣвшій замѣтить, что К. началъ исправляться, произнесъ прочувственную рѣчь и рыдалъ надъ свѣжей могилой юноши.

Никто въ Дрезденѣ не зналъ причины самоубійства К.

* * *

А Элла? Не долго поддерживала она дружбу съ полякомъ. Онъ скоро бросилъ ее. Къ тому же времени умеръ ея отецъ. Что могла дѣлать дѣвушка, оставшаяся безъ крова, обладавшая такой красивой наружностью и такимъ живымъ, черезъ-чуръ уже живымъ характеромъ?...

VI.

(Посвящается Розаліи Конухесъ).

Въ дрезденской галлереѣ есть одна, удачная, превосходная по своему исполненію, картина—работы нѣмецкаго художника Бофа. Она носитъ названіе: „Послѣдній привѣтъ отъ сына". Въ будуарѣ—на мягкомъ креслѣ сидитъ мать, возлѣ нея священникъ, а сзади молодая дѣвушка. Въ дверяхъ стоитъ вооруженный юноша, только что возвратившійся съ поля битвы и передающій матери послѣдній поклонъ отъ ея убитаго сына. Мать поражена горемъ и отчаяніемъ. Она ежеминутно теряетъ сознаніе. Священникъ старается привести ее въ чувство, но что онъ можетъ сдѣлать, когда самъ такъ пораженъ извѣстіемъ о смерти своего воспитанника. Сестра также сильно огорчена, но вмѣстѣ съ тѣмъ, радость сверкаетъ въ ея глазахъ: этотъ юноша, который принесъ печальное извѣстіе и котораго она любитъ, остался въ живыхъ!

Картину дополняетъ собака, обнюхивающая юношу. Собака эта изображена такъ живо, что, кажется, видна струя воздуха, которую она втягиваетъ въ свой носъ.

Въ галлереѣ бывалъ я часто и иногда очень долго просиживалъ передъ этой интересной картиной. Почти всегда я замѣчалъ одного молодаго человѣка, одѣтаго въ бархатную куртку, съ упоеніемъ смотрящаго на картину Бофа. По его наружности можно было сейчасъ ска-

зать, что онъ художникъ; мнѣ пріятно было видѣть, что нашелся художникъ, который такъ интересуется моей любимой картиной.

Иногда, когда я приходилъ смотрѣть на нее, этотъ молодой художникъ былъ уже тамъ. Я сидѣлъ долго, уходилъ, а онъ все еще любовался ею.

Однажды мы сидѣли только вдвоемъ передъ этой картиной. Вдругъ, въ залъ забѣжала какая то парочка, совершавшая свой voyage de plaisir и потратившая, по всей вѣроятности, цѣлый часъ на осмотръ всей галлереи. Они говорили между собою по русски. Въ этомъ же залѣ находился одинъ пейзажъ извѣстнаго Ахенбаха. Парочка подошла къ нему и я услышалъ какъ мужъ говорилъ женѣ:

—Водица, ничего себѣ.

—Да! былъ отвѣтъ жены.

Потомъ, повернувшись къ картинѣ Hof'a, мужъ сдѣлалъ замѣчаніе:

—Хорошая собака!

—Такъ себѣ!

И они вышли изъ зала также поспѣшно, какъ и вошли туда. Черезъ нѣсколько минутъ, они, очевидно, заблудившись, опять очутились въ залѣ.

—Смотри, Евгенія, эти нѣмцы все еще любуются собакой!

Я не вытерпѣлъ и хотѣлъ имъ кое что сказать, но къ моему удивленію, сосѣдъ мой вдругъ поднялся, подошелъ къ нимъ и сказалъ на чистѣйшемъ, русскомъ языкѣ:

—Если бы у меня была возможность, я не впустилъ бы васъ сюда! Люди, находящіе въ картинѣ Hof'a только то,

что собака „такъ себѣ“, недостойны. чтобы ихъ впускали въ этотъ храмъ искусства.

Парочка покраснѣла, смутилась и пробормотавъ что то, повернулась и ушла.

Я обратился къ моему сосѣду:

—Вы русскій?

—Да. Студентъ здѣшней академіи художествъ, М.

Я также представился.

Между нами завязался разговоръ о картинѣ, послужившей причиной нашего знакомства. Онъ выказалъ недюжинное пониманіе искусства и многія мысли, скрытыя для меня въ этой картинѣ, были для него очевидны.

Мы говорили объ извѣстномъ родѣ посѣтителей галлереи, находящихъ, что „водица“ у Ахенбаха „ничего себѣ“ и т. п. Онъ былъ страшно возмущенъ выходкой нашихъ земляковъ.

—По моему, говорилъ онъ, если человѣкъ не понимаетъ искусства, онъ не долженъ ходить въ галлерею; онъ только грязнитъ ее. Если же онъ, по какимъ нибудь причинамъ, попалъ сюда, то долженъ удерживать себя отъ различныхъ замѣчаній, выказывающихъ его невѣжество. А эта парочка, мало того, позволяетъ себѣ еще относиться съ пренебреженіемъ къ людямъ, находящимъ удовольствіе въ разсматриваніи картины.

Мы останавливались еще передъ нѣкоторыми картинами. Я удивлялся ему. Онъ находилъ глубокія, достойныя вниманія, мысли въ такихъ картинахъ, передъ которыми я даже не считалъ нужнымъ останавливаться. Мы провели въ галлереѣ часа два. При прощаньи онъ далъ мнѣ свой адресъ.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ М. записку, въ которой онъ просилъ меня къ себѣ на вечеринку.

Когда я пришелъ къ нему, тамъ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ за столомъ, на которомъ стоялъ самоваръ и пили чай. Меня удивило, что между ними не было ни одного русскаго. Все это были нѣмцы. Онъ представилъ меня. Я присоединился къ общему разговору. Говорили объ искусствѣ и говорили толкомъ. У всякаго былъ художникъ, которому онъ поклонялся, котораго считалъ своимъ учителемъ Одинъ изъ нихъ, Гриммъ, былъ до безумія влюбленъ въ Маккарта и говорилъ съ сильнымъ увлеченіемъ объ его „Лѣтѣ“. Другой, Фишеръ, противорѣчилъ ему, доказывая, что въ картинахъ Маккарта нѣтъ мысли, нѣтъ естественныхъ красотъ, что въ природѣ нѣтъ такихъ формъ и линій, какія встрѣчаются на картинахъ Маккарта.

—Вы жестоко ошибаетесь, говоря такимъ образомъ, возражалъ Гриммъ: то, что вы считаете недостаткомъ Маккарта, есть его хорошее качество. Искусство должно представлять намъ красоту, оно должно ласкать наши нервы. Я очень благодаренъ Маккарту за то, что онъ не рисуетъ съ натуры. Въ противномъ случаѣ, онъ намъ никогда не представилъ бы такихъ художественныхъ произведеній, какъ его „Лѣто“. Если въ природѣ нѣтъ красивыхъ формъ и линій, то великая благодарность тому художнику, который даетъ намъ возможность, по крайней мѣрѣ, на полотнѣ созерцать прекрасныя формы.

—Но кромѣ красивыхъ формъ и линій, отвѣчалъ Фишеръ, есть еще много другаго прекраснаго, добраго, возвышеннаго, достойнаго кисти великаго художника. Если

бы Маккартъ искалъ это прекрасное въ жизни, то онъ, своей замѣчательной техникой, принесъ бы человѣчеству великую пользу. Посмотрите на картину Кнауса —„За кулисами“! Сколько мыслей выражено въ ней! Вѣдь это цѣлая книга! Живопись, какъ и литература, какъ всякая отрасль искусства должна приносить извѣстную пользу людямъ! Къ чему мнѣ пустая, глупая, безсодержательная книга—въ роскошномъ переплетѣ!

—Мнѣ кажется, что и ты, Гриммъ, и ты, Фишеръ, сказалъ М. ошибаетесь. Ошибка ваша лежитъ въ самомъ основаніи. Мнѣ очень непріятно видѣть, что оба вы, будущіе художники, желаете умалить значеніе живописи, желаете втиснуть ее въ узкую для нея рамку. Одинъ желаетъ, чтобы живопись изображала только красоту, другой—только идею. Зачѣмъ такъ ограничивать кисть художника? Маккартъ—художникъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и Кнаусъ—тоже самое. Живопись изображаетъ какъ красоту, такъ и мысль. Это совершенно двѣ различныя отрасли живописи и представителей ихъ даже нельзя сравнивать другъ съ другомъ. И Маккартъ, въ своемъ родѣ, великъ, и Кнаусъ—также великъ.

Этотъ общій разговоръ пріятно поразилъ меня. Я очень часто бывалъ въ обществѣ русскихъ студентовъ и никогда у нихъ рѣчь не заходила не только объ ихъ спеціальности, но даже о постороннихъ предметахъ, какъ напр., о живописи, скульптурѣ и др.

Я поинтересовался узнать у М.—почему между его гостями нѣтъ ни одного русскаго.

—Во первыхъ, я единственный русскій во всей нашей академіи. Во вторыхъ, мнѣ не желательно заводить близ-

каго знакомства со здѣшними русскими студентами. О чемъ я могу съ ними говорить? Объ ихъ спеціальности я не имѣю никакого понятія. Объ искусствѣ они не хотятъ, а, можетъ быть, и не умѣютъ говорить. Я вамъ скажу, что они даже не интересуются искусствомъ. Здѣшнихъ русскихъ студентовъ очень рѣдко можно встрѣтить въ галлереѣ. Я бываю тамъ ежедневно и знаю почти всѣхъ русскихъ, такъ что смѣло могу это сказать. Я понимаю, что ихъ спеціальность не имѣетъ никакой связи съ искусствомъ, но человѣкъ интелегентный не можетъ не интересоваться имъ. Въ Дрезденъ пріѣзжаютъ, исключительно, для галлереи изъ очень далекихъ странъ. Наши студенты проживутъ здѣсь 4—5 лѣтъ и уѣдутъ отсюда. Никто не знаетъ—будутъ ли они имѣть возможность еще разъ быть здѣсь. Почему же не воспользоваться этимъ временемъ и не поинтересоваться галлереей? Времени у нихъ, слава Богу, довольно много. Но они предпочитаютъ его проводить совершенно иначе.

—Да, я долженъ съ вами согласиться. Это совершенная правда.

Въ это время раздался стукъ въ двери и въ комнату зашла молоденькая дѣвушка.

—Позвольте вамъ представить мою натурщицу, Фриду.

Дѣвушка поклонилась; я, въ свою очередь.

—Ну, господа, теперь мы, кажется, всѣ въ сборѣ. Можемъ начать.

На столѣ появилось нѣсколько бутылокъ вина.

—Я предпочитаю пива, заявила Фрида.

М. послалъ за пивомъ.

Пиво и вино еще болѣе развязали языки и художники вмѣстѣ съ натурщицей развеселились.

—Какъ вы находите мою натурщицу? Я пишу съ нея теперь Психею,—обратился ко мнѣ М.

—Лучшую и найти нельзя, отвѣтилъ я. Дѣйствительно, эта была, въ высшей степени, красивая, прекрасно-сложенная брюнетка.

—Она иначе не соглашалась, какъ только, чтобы я писалъ съ нея Психею. Позировать не ея занятіе. Она сдѣлала мнѣ это одолженіе въ дружбу и съ тѣмъ, чтобы я ей отдалъ картину, когда она будетъ готова. Я не желалъ упустить случая нарисовать такую хорошую головку и согласился.

Было выпито довольно много, но компанія вела себя чинно. Не то бывало на вечеринкахъ русскихъ студентовъ.

Было уже поздно и мы стали расходиться.

Я бывалъ у М. довольно часто потомъ. Онъ былъ очень трудолюбивъ, любилъ искусство всей своей душой и имѣлъ талантъ. Онъ показывалъ мнѣ свои работы. Тутъ были пейзажи изъ окрестностей города, довольно хорошо исполненныхъ, были и жанровыя картины и сюжеты изъ русской исторіи. Я удивлялся этому молодому человѣку. Онъ работалъ усердно, успѣвалъ много, находилъ время и погулять и жилъ, вообще, какъ слѣдуетъ. Знакомыхъ у него было мало и женское общество свое онъ дополнялъ моделями. Съ ними онъ бывалъ очень близокъ, но часто мѣнялъ ихъ.

* * *

Приближались мои экзамены. Для того, чтобы не имѣть развлеченія, я уѣхалъ въ Hainsberg, маленькое мѣстечко, недалеко отъ Дрездена, чтобы тамъ никто не мѣшалъ мнѣ заниматься.

Пробылъ я въ Hainsberg'ѣ около мѣсяца и вернулся назадъ. Дома нашелъ я письмо отъ М., въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что уѣзжаетъ на каникулы домой, въ одинъ маленькій городокъ Южной Россіи и убѣдительно проситъ меня, если я послѣ экзаменовъ поѣду въ Россію, пріѣхать погостить къ нему.

Сейчасъ же послѣ экзаменовъ я поѣхалъ на короткое время въ Россію и исполнилъ просьбу М. На обратномъ пути въ Дрезденъ я проѣзжалъ мимо его города и остановился тамъ.

Перемѣна, происшедшая въ М., произвела на меня сильное впечатлѣніе. Всегда здоровый, цвѣтущій, спокойный, онъ былъ теперь блѣденъ, худъ и страшно раздражителенъ. Это обстоятельство безпокоило его родителей и когда мнѣ приходилось оставаться съ ними наединѣ, они приставали ко мнѣ съ разспросами, желая узнать, что послужило причиной этой перемѣны въ ихъ сынѣ. Но меня самого это также безпокоило и я не зналъ, какъ разрѣшить эту загадку.

При первомъ намекѣ, которомъ я сдѣлалъ М., онъ будучи со мною всегда откровененъ, разсказалъ мнѣ все. Ему понялась одна патурщица, прелестная молодая дѣвушка, въ которую онъ, положительно влюбился. Это была, по его собственнымъ словамъ, до мозга костей испорченная дѣвушка, стоившая ему не мало денегъ и здоровья. Онъ описывалъ ее мнѣ. Въ ней не было ни

одной хорошей черты Онъ самъ въ этомъ сознавался, но какая то, невидимая, непонятная сила приковывала его къ ней. Онъ рвался назадъ въ Дрезденъ. Родители, невидавшіе его уже давно, упрашивали его остаться еще на нѣкоторое время. Это дѣлало его раздражительнымъ и онъ, съ каждымъ днемъ, терялъ свое здоровье.

При моемъ отъѣздѣ, М. далъ мнѣ письмо къ своей Амаліи, просилъ меня по временамъ заходить къ ней и писать ему о ней. Я обѣщалъ, тѣмъ болѣе, что до начала занятій у меня было еще много свободнаго времени.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Дрезденъ, я отправился къ Амаліи – передать ей письмо отъ М. Это дѣйствительно, была красавица. Брюнетка, не высокаго, но полнаго граціозности роста, черные глаза, которые, казалось, проникали внутрь того, на кого она смотрѣла, длинные, распущенные, шелковистые волосы – все это дѣлало ее похожей на сирену. Подъ этой прекрасной наружностью таился развратъ, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. На видъ ей можно было дать лѣтъ восемнадцать, но не смотря на ея молодость—даже между самыми развратными женщинами, трудно было отыскать такую, какой была Амалія. Я ушелъ съ твердымъ рѣшеніемъ больше не приходить къ ней.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ ее на улицѣ съ какимъ то нѣмецкимъ студентомъ. Оба были пьяны.

Потомъ я видѣлъ ее въ фіакрѣ, также не въ своемъ видѣ.

Нѣсколько разъ на танцовальныхъ вечерахъ въ Tivoli я видѣлъ ее, окруженную какими то молодыми людьми, съ которыми она была въ очень интимныхъ отношеніяхъ.

Я уже думалъ обо всемъ написать М., какъ встрѣтился съ Гриммомъ и Фишеромъ, котоые передали мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ М. познакомился съ Амаліей, онъ бросилъ всѣ свои занятія, пересталъ посѣщать академію, галлерею и дома также не работалъ. Все время онъ гулялъ со своей повой натурщицей. Теперь я твердо рѣшилъ написать М. и, дѣйствительно, написалъ ему. Разсказавъ о томъ, какъ Амалія ведетъ себя во время его отсутствія, я совѣтовалъ ему, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ отказаться отъ нея, перевестись въ какую нибудь другую академію и больше не пріѣзжать въ Дрезденъ.

Я получилъ отъ него отвѣтъ, въ которомъ онъ выражалъ мнѣ благодарность за все сообщаемое ему, увѣрялъ меня, что рѣшилъ остаться въ дрезденской академіи и даже не пожелаетъ увидѣть Амалію. Онъ былъ очень радъ, что скоро пріѣдетъ и возьмется за прерванныя занятія.

Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ. Изъ Кракова я получилъ отъ него телеграмму, въ которой онъ просилъ меня встрѣчать его на вокзалѣ. Вышла какая то путаница въ росписаніи поѣздовъ и мнѣ не удалось его встрѣтить. Прямо съ вокзала я направился къ нему на квартиру. Тамъ его не было. Гдѣ онъ могъ быть? По всей вѣроятности у меня. Я пошелъ домой, но и тамъ не нашелъ его. Я былъ увѣренъ, что черезъ часъ, два, самое позднее, вечеромъ онъ придетъ ко мнѣ. Насталъ вечеръ онъ не приходилъ. Я былъ обиженъ, но все таки, надѣялся, что онъ придетъ и ожидалъ. Прошло нѣсколько дней, его все не было. Что онъ въ Дрезденѣ, я зналъ,

навѣрное, такъ какъ встрѣтился съ Гриммомъ и онъ мнѣ передалъ, что видѣлъ М. на улицѣ, подъ руку съ Амаліей. И такъ, онъ былъ опять съ ней вмѣстѣ.

Что же, думалъ я, пусть поступаетъ по своему...

Прошло полгода. Я съ нимъ рѣдко встрѣчался на улицѣ. Онъ былъ всегда въ сопровожденіи Амаліи. Мы очень вѣжливо раскланивались другъ съ другомъ и, не говоря ни слова, расходились въ разныя стороны.

Что онъ дѣлалъ въ эти шесть мѣсяцевъ – я не знаю, такъ какъ онъ жилъ совершенно отдѣльно отъ всѣхъ русскихъ, и никто ничего не зналъ о немъ. Одно только мнѣ было извѣстно, что онъ живетъ на одной квартирѣ со своей натурщицей.

* * *

Однажды М. пришелъ ко мнѣ съ сильно озабоченнымъ лицомъ и началъ просить у меня прощенія въ томъ, что такъ грубо поступилъ со мной. Онъ пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ. Ему пришлось очень круто. Онъ не зналъ, что дѣлать и поэтому обратился ко мнѣ.

—Въ чемъ же дѣло?

—Амалія должна родить,—проговорилъ онъ, сильно покраснѣвъ.

—Ну?

—Другіе, обыкновенно, поступаютъ иначе, но такъ я не могу. Ей удалось вырвать у меня обѣщаніе жениться на ней. Теперь она требуетъ у меня, чтобъ я сдержалъ свое слово. Въ противномъ случаѣ, она обратится въ судъ. Я, положительно, растерялся; готовъ бѣжать, но это не поможетъ. Посовѣтуйте что дѣлать!

—Я вамъ, рѣшительно, ни чѣмъ не могу помочь. Во всякомъ случаѣ, я думаю, что если честный человѣкъ даетъ слово, онъ долженъ его сдержать.

Этотъ отвѣтъ, казалось не удовлетворилъ М. Онъ ушелъ такимъ же озабоченнымъ, какимъ пришелъ.

* * *

Обѣщанія своего М. не приводилъ въ исполненіе. Вѣроятно, онъ успѣлъ находить для этого различныя проволочки.

Послѣ этого случая, мы стали опять встрѣчаться, конечно, рѣже, чѣмъ раньше и наши отношенія уже не были, по прежнему, коротки.

Разъ, вечеромъ, онъ сидѣлъ у меня. Его сильно безпокоило то обстоятельство, что Амалія цѣлый день жаловалась на головную боль и вообще, не здорова была. Онъ ежеминутно желалъ уходить, но я его задержалъ. Въ своемъ теперешнемъ положеніи — онъ меня сильно интересовалъ. М. просидѣлъ у меня до поздней ночи и ушелъ. Не успѣлъ я еще лечь, какъ услышалъ его голосъ черезъ окно; онъ звалъ меня.

—Бросьте мнѣ ключъ отъ вашихъ воротъ! я долженъ къ вамъ зайти.

Я бросилъ ему ключъ отъ воротъ и онъ зашелъ ко мнѣ. Со слезами на глазахъ, онъ началъ говорить:

—Боже! чѣмъ только я не жертвовалъ для этой испорченной дѣвушки, а она меня такъ низко обманываетъ! Сегодня, цѣлый день жаловалась она на головную боль; я ушелъ къ вамъ, а тѣмъ временемъ, она сама ушла изъ дому. Вѣроятно, она теперь въ какомъ нибудь танцалопѣ, пойдемте со мной!

Мы пошли въ Tivoli. Дѣйствительно, мы ее тамъ нашли. Въ какомъ безобразномъ видѣ она была! пьяная, еще державшаяся на ногахъ, она даже не узнала М.

Онъ взялъ ее довольно грубо и повезъ домой.

Я упрашивалъ его оставить ее въ Tivoli и больше не пускать къ себѣ на квартиру, но онъ и слушать не хотѣлъ.

Дорогой, она, разгоряченная виномъ и небрежно одѣтая, простудилась и слегла въ постель. На другой день М. явился ко мнѣ, разсказалъ о болѣзни Амаліи и спрашивалъ, что дѣлать. Я посовѣтовалъ ему отправить ее въ больницу. Онъ послушался.

Нужно было видѣть М., что бы понять какія страданія онъ испытывалъ. Онъ исхудалъ, какъ щепка; и жилъ только тѣмъ, что имѣлъ возможность видѣть Амалію ежедневно.

Въ больницѣ пролежала она мѣсяцъ и умерла. Видъ отчаявшагося М., потерявшаго почти свой разсудокъ, возбудилъ во мнѣ сильное сожалѣніе. Я предложилъ ему перебраться ко мнѣ на квартиру.

Онъ уже не былъ такъ одинокъ, но, все таки, иногда на него находили минуты, когда онъ вспоминалъ свою Амалію и тогда онъ сильно страдалъ.

Я видѣлъ одно только средство отъ этихъ его мукъ —путешествіе и посовѣтовалъ ему уѣхать куда нибудь. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ во Францію. Имѣлъ я отъ него письма изъ Лейпцига, Касселя, Дюссельдорфа. Изъ писемъ я могъ заключить, что путешествіе по-

вліяло на него благотворнымъ образомъ. Имѣлъ я также отъ него еще одно письмо съ французско-бельгійской границы. Писалъ онъ, что пробудетъ въ Парижѣ не долго и возвратится въ Германію.

Мѣсяца черезъ два онъ возвратился. Переломъ произошелъ во всемъ его существѣ Онъ совершенно отрѣшился отъ женскихъ моделей. Теперь онъ работаетъ очень усердно и много успѣваетъ. Черезъ годъ онъ думаетъ уѣхать въ Италію.

VII.

Нѣсколько разъ, когда я нанималъ квартиру въ Дрезденѣ, мнѣ случалось выслушивать нѣчто такое, что при другихъ обстоятельствахъ, могло бы служить хорошимъ анекдотомъ. Условившись въ цѣнѣ и опредѣливъ время, когда можно будетъ занять квартиру, ко мнѣ обращались съ вопросомъ.

—Вы студентъ здѣшняго политехникума?

—Да.

—Извините, пожалуйста, но мнѣ интересно знать откуда вы?

—Изъ Россіи.

—Я очень сожалѣю. Русскимъ студентамъ я не могу отдавать своей комнаты....

Почему русскіе студенты на такомъ плохомъ счету въ Германіи?.

Неужели между нами такъ таки нѣтъ порядочныхъ людей? Неужели всѣ мы годимся только для того, чтобы надѣлывать массу долговъ, обманывать честныхъ дѣвушекъ и показывать примѣръ самой развратной и безобразной жизни? Вѣдь среди насъ, какъ и въ каждомъ сословіи, есть и хорошіе и дурные люди! Вѣдь есть же студенты между нами, живущіе болѣе, нежели скромно, учащіеся хорошо и, въ большинствѣ случаевъ, кончающіе скорѣе и лучше нѣмецкихъ студентовъ! Много разъ я задавалъ себѣ этотъ вопросъ, много разъ слышалъ его отъ другихъ, но отвѣтить на него не могъ до тѣхъ поръ,

пока случай не натолкнулъ меня на одну, очень интересную группу русскихъ студентовъ.

Ихъ было четверо и извѣстны они были у насъ подъ названіемъ „банды". Атаманомъ этой банды былъ нѣкій Наперстниковъ, одесситъ. Ихъ теперь уже нѣтъ въ въ Дрезденѣ, но память о нихъ останется тамъ, вѣроятно, на всегда. Они прожили тамъ почти три года. Съ самого начала они отбросили занятія въ сторону и принялись преслѣдовать заданную себѣ цѣль — жениться на богатыхъ дѣвушкахъ. Работали они въ этомъ отношеніи довольно энергично, но ошибались только на одномъ: они думали, что всѣ въ Дрезденѣ, такъ таки набитые дураки.

Сначала ихъ было трое и они дѣйствовали замѣчательно дружно, помогая одинъ другому; но потомъ когда ихъ финансы сильно разстроились и грозили истощиться, они завербовали въ свою среду молодого студента нѣкоего Рабовскаго и совершенно развратили его. Я зналъ этого студента раньше и былъ съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Онъ былъ богатъ, но не умѣлъ пользоваться своими деньгами, такъ какъ ему хотѣлось. Онъ любилъ чувственныя удовольствія, но незнаніе нѣмецкаго языка служило ему помѣхой въ этомъ

Узнали объ этомъ „бандиты" и Наперстникову поручено было завербовать его. Нужно отдать атаману справедливость: онъ принялся за это достойное дѣло съ умѣньемъ и ревностью, такъ что въ короткое время ему удалось сдѣлать изъ честнаго, благороднаго юноши, вполнѣ развращеннаго человѣка. Впослѣдствіи онъ уже ни въ чемъ не уступалъ своему учителю. Такимъ образомъ составилось это почтенное общество.

Со всѣми изъ нихъ я былъ близко знакомъ, и это давало мнѣ возможность знать малѣйшія подробности ихъ жизни. Я отмѣчу только тѣ изъ ихъ подвиговъ, которые наиболѣе характеризуютъ ихъ.

Наперстниковъ получалъ изъ дому очень мало денегъ, такъ что ему приходилось жить на счетъ остальныхъ трехъ; но этого ему было мало; онъ и ихъ заставлялъ жить не по средствамъ, такъ что въ короткое время они надѣлали массу долговъ. Кредиторы не давали имъ покоя, жаловались ректору, подавали въ судъ и не одинъ разъ описывали ихъ имущество. Но послѣ этого наши студенты ухищрялись влѣзать еще въ большіе долги. Когда же имъ угрожало нѣчто болѣе непріятное, чѣмъ опись имущества, они, ночью, вытаскивали свои вещи изъ квартиры и уѣзжали домой. Я помню очень хорошо: разъ возвращаясь на свою квартиру, я видѣлъ, какъ Наперстниковъ уѣзжалъ „черезъ окно“ въ Россію.

Дѣлали долги всѣ трое; дѣлалъ ихъ Наперстниковъ. Но тѣ не совершали при этомъ такихъ низостей и подлостей. Мнѣ вспоминается, при этомъ, нѣсколько случаевъ.

Учился въ Дрезденѣ одинъ мой землякъ, сильно бѣдствовавшій и еле перебивавшійся уроками. Онъ былъ слишкомъ добръ и никому не могъ отказывать. Однажды приходитъ къ нему Наперстниковъ, занимаетъ у него нѣсколько марокъ дня на два. Черезъ недѣлю этотъ бѣднякъ обращается къ нему съ просьбой дать ему, по крайней мѣрѣ, одну марку, такъ какъ ему не на что пообѣдать.

Наперстниковъ не далъ. Въ тотъ же день, вечеромъ я видѣлъ его въ одномъ изъ роскошнѣйшихъ Cafe, пью-

щимъ шампанское съ дамой подозрительнаго вида. Тотъ голодалъ изъ за того, что Наперстникову хотѣлось выпить однимъ стаканомъ больше.

У пашего portier въ политехникумѣ водились деньги. Когда какому нибудь студенту приходилось круто, что случалось очень часто, онъ обращался къ portier и, за малое вознагражденіе тотъ давалъ ему деньги взаймы. Узнавъ объ этомъ новомъ источникѣ дохода, Наперстниковъ не премнулъ воспользоваться имъ и довелъ дѣло до того, что portier былъ принужденъ подать на него въ судъ. Разумѣется, послѣ этого, portier никому изъ студентовъ не давалъ даже пфеннига.

Разъ вся банда угощалась въ Cafe'. Пили много шампанскаго. Какъ водится въ Германіи, каждый платилъ за себя; но это, конечно, Наперстникова не касалось.

На долю каждаго изъ троихъ пришлось по 45 марокъ. Въ виду того, что не хватало нѣсколькихъ марокъ, рѣшили дать всѣ наличныя деньги Наперстникову, чтобъ онъ передалъ ихъ кельнеру, съ обѣщаніемъ на слѣдующій день занести остальныя.

Видѣли, какъ Наперстниковъ, дѣйствительно, говорилъ съ кельнеромъ, но, что именно, неизвѣстно.

Какъ бы то не было, но кельнеръ приходилъ потомъ ежедневно къ тремъ остальнымъ и требовалъ у нихъ по 45 марокъ съ каждаго. Наперстниковъ подѣлился съ кельнеромъ на счетъ своихъ же сподвижниковъ.

Наперстниковъ былъ долженъ всѣмъ русскимъ студентамъ.

—Наперстниковъ, когда ты мнѣ отдашь деньги!

—Какъ только получу.

—Когда же, наконецъ, получишь?

—„...надцатаго“!

Это былъ отвѣтъ, и кредиторы съ петерпѣніемъ ожидали это удивительное „...надцатое“ число, никогда, впрочемъ, не наступавшее.

И между нѣмецкими студентами Наперстниковъ пользовался популярностью. И у нихъ онъ имѣлъ очень мѣткое прозваніе.

Всѣмъ извѣстно выраженіе нѣмецкаго студента „ритреи“, т. е. одалживать деньги съ надеждой не возвратить ихъ. Наперстниковъ носилъ довольно почетное прозваніе „Obergrittmeister“.

Не только подобными проступками банда обращала на себя вниманіе дрезденцевъ.

Своей внѣшностью, своими костюмами и ночными, уличными похожденіями они стяжали себѣ всеобщую извѣстность.

Иногда на главныхъ улицахъ города оказывались цѣлые десятки потушенныхъ фонарей, въ нѣкоторыхъ домахъ—электрическіе звонки испорченными, вывѣски снятыми и т. п. Не одинъ разъ ихъ ловили, не одинъ разъ они ночевали въ полиціи и платили громадные штрафы; но за то они имѣли потомъ удовольствіе видѣть въ мѣстной газетѣ, въ отдѣлѣ полицейскихъ извѣстій, такого рода замѣтку: „вчера полиціей задержано четверо студентовъ изъ Россіи, нарушавшихъ общественную тишину“.

У нѣмцевъ это общество носило еще другое названіе „Cylinder-Campagnie“, такъ какъ всѣ четверо носили цилиндры.

Это имъ нужно было для достиженія своей цѣли. Чтобы показать, какъ они стремились къ своей цѣли, я приведу слѣдующій случай.

Въ прошломъ году всѣ четверо обѣдали въ англійскомъ пансіонѣ. Тутъ они познакомились съ молодыми англичанками и принялись, если можно такъ выразиться, влюблять ихъ въ себя. Всѣ кромѣ Рабовскаго, имѣли въ пансіонѣ успѣхъ. Этотъ же послѣдній познакомился съ молоденькой нѣмочкой, у которой было громадное приданное и также началъ дѣйствовать. Ухаживаніе въ пансіонѣ шло успѣшно, ухаживаніе за нѣмочкой еще болѣе успѣшно.

Но не вѣчно же ухаживать; нужно что нибудь, посущественнѣе, и вотъ банда поставила все на послѣднюю карту. Рѣшено было устроить балъ. Были приглашены всѣ предполагаемыя невѣсты, ихъ родители, нѣсколько русскихъ студентовъ, въ томъ числѣ и я.

Признаться, они устроили этотъ вечеръ роскошно. Никто изъ гостей не вѣрилъ, чтобы студенты могли устроить что либо подобное. „Бандиты“ думали, что послѣ этого вечера до оффиціальной помолвки одинъ только шагъ.

Разгоряченные танцами и шампанскимъ «женихи» позволили непристойности по отношеніи къ своимъ будущимъ невѣстамъ. Это было кѣмъ то замѣчено и на слѣдующій день они получили довольно краснорѣчивыя записки, въ которыхъ имъ объясняли, что порядочные молодые такъ низко не поступаютъ, что не для этого приглашаютъ на балъ и что, самое важное, заявленіе о томъ, что знакомство съ ними считается прекращеннымъ. Это было послѣдствіемъ бала. Вся банда послѣ этого неуспѣха отступила.

На этотъ вечеръ «бандиты», дѣйствительно, поставили все на карту и проиграли.

Черезъ нѣсколько дней они уѣхали изъ Дрездена.

Проживши среди нѣмцевъ четыре года, узнавъ ихъ характеръ и наблюдая эту банду, я теперь вполнѣ понимаю, почему наши русскіе студенты пользуются такой плохой славой въ Германіи.

Всякій человѣкъ замѣчаетъ скорѣе дурныя черты другаго. Онѣ скорѣе бросаются въ глаза. Нѣмецъ, неимѣющій понятія о незнакомой ему народности, судитъ по тѣмъ образцамъ, которые наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе. По этимъ немногимъ образцамъ нѣмецъ и составляетъ себѣ понятіе о чужой ему, русской націи.

Бѣдный русскій студентъ, живущій впроголодь, не обращаетъ на себя вниманіе нѣмца. Бѣдныхъ русскихъ студентовъ нѣмецъ совсѣмъ не знаетъ.

Онъ знаетъ только богатыхъ, имѣющихъ средства вести безпутный образъ жизни и обращающихъ на себя его вниманіе. Вотъ почему и кажется ему, что всѣ русскіе таковы, каковы тѣ, которыхъ онъ знаетъ. Вотъ почему и хозяйка, отдающая комнаты въ наемъ, не желаетъ отдавать ихъ русскимъ студентамъ.

Цѣна 25 к.

2007041584